УДК 93/168

ББК 63

DOI 10.31554/2222-9175-2019-36-44-50

Н. Е. Жукова, Д. Б. Фартусов

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ 1920–1930-х гг. (на примере Республики Бурятия)

Интерес к изучению повседневности «маленького человека» с помощью микро-исторического метода обусловлен антропоцентричностью современного секуляризированного, основанного на рациональном познании общества. Центр общественного и научного внимания переносится от глобальных процессов и личностей государственных деятелей к повседневной жизни рядовых членов общества, их правам, обязанностям, чувствам, эмоциям, бытовым реалиям и т. д. Целью данной статьи является анализ исторической научной литературы, посвященной изучению истории повседневности 1920–1930-х гг. в Бурятии. Исследователи, используя микроанализ и микроисторический метод, дают характеристику комплексу исторической литературы, посвященной изучению повседневности в момент активных социокультурных изменений, а именно модернизации Бурятии в 1920–1930-е гг.

Авторы традиционно делят историографический обзор на советский и постсоветский этапы, выделяя характерные особенности и общие черты каждого периода. Авторы приходят к выводу, что, несмотря на усиливающийся интерес современных исследователей к истории повседневности, данная тема в Бурятии остается малоизученной. Нераскрытыми остаются такие области быта, как изменение моральных устоев, дрейф ценностных ориентиров, социальная адаптация, факторы, влияющие на формирование сознания в период модернизации 1920–1930-х гг.

Ключевые слова: Бурятия, повседневность, историография, культурная революция, антропоцентричность, микроанализ, микроисторический метод.

N. E. Zhukova, D. B. Fartusov

CONTEMPORARY ISSUES IN STUDYING HISTORY OF DAILY LIFE IN THE 1920s – 1930s (a case study of the Republic of Buryatia)

The interest in the study of everyday life of “little man” using the microhistoric method is due to the anthropocentric nature of the modern secularized society based on rational knowledge. The public and scientific attention is transferred from global processes and personalities of statesmen to daily life of ordinary members of society, their rights, duties, feelings, emotions, daily realities etc. The purpose of this article is to analyze historical scientific literature on the history of everyday life in the 1920s – 1930s in Buryatia. Using micro-analysis and

ЖУКОВА Наталья Евгеньевна – кандидат исторических наук, заведующая сектором научной библиотеки Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова» (Улан-Удэ, Россия). E-mail: nataliiuk@mail.ru.

ФАРТУСОВ Дмитрий Борисович – кандидат исторических наук, заведующий сектором научной библиотеки Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова» (Улан-Удэ, Россия). E-mail: d.fartusov@mail.ru.

micro-historical methods researchers give a description of the number of historical literature devoted to the study of daily life in the time of active modernization of Buryatia in the 1920s – 1930s.

The authors traditionally divide the historiographical review into the Soviet and post-Soviet stages, highlighting the characteristics and common features of each period. The authors conclude that the study of history of daily in Buryatia is largely unexplored, despite the growing interest of modern researchers in this topic. Such areas of life as the change of moral principles, the drift of value orientations, social adaptation, and factors affecting the formation of consciousness during the modernization in the 1920s – 1930s still remain disclosed.

Keywords: Buryatia, daily life, historiography, cultural revolution, anthropocentricity, microanalysis, micro-historical method.

Одним из актуальных направлений мировой и отечественной исторической науки является изучение разнообразных микроформ человеческого прошлого, таких как бытовая культура, частная жизнь, личностная идентификация и пр. Востребованность микроисторического понимания развития прошлого связывается с попытками антропологов, социологов, культурологов и историков выявить вклад каждого человека в развитие цивилизации. Современная отечественная историческая наука, вслед за мировой, ставит человека в центр исследований, противопоставляя его изучению больших социальных образований – государств, народов, классов и пр. Признавая человека «мерилом всех вещей», историки делают попытку взглянуть на процесс исторического развития сквозь призму личного опыта.

Смещение фокуса исторических исследований, приближение его к человеку, личность которого является отражением конкретной эпохи, создают контекст исторического знания, обозначаемый как «история повседневности». Согласно утверждению Н. Л. Пушкаревой, «“история повседневности” – новая отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. В центре внимания истории повседневности – комплексное исследование образа жизни и его изменений у представителей разных социальных слоев, их поведения и эмоциональных реакций на жизненные события» [2004: 3]. Следовательно, личность, помещенная в многообразие жизненных контекстов, представляет собой основное содержание истории повседневности.

Особый интерес вызывает ретроспективный анализ социального поведения различных больших и малых социальных групп, общностей в переломные периоды исторического развития. Смена политической константы в 1920–1930-х гг. привела к значительным переменам в общественном сознании, поведении, самоидентификации как целых социальных групп, так и отдельного человека. Безусловно, рассматриваемые процессы имели региональную специфику, которая ярче всего проявилась в национальных районах, таких как Бурят-Монгольская АССР. Названная тематика относится к числу востребованных, но малоизученных проблем региональной науки. Изменение модели политической, социально-классовой и культурной идентификации как отдельной личности, так и больших социальных групп и отражение описанных процессов в региональной исторической литературе является предметом настоящей статьи.

Региональной историографии повседневности в 1920–1930-е гг. как направления, отличного от этнографического и культурологического описаний бытовой жизни, еще не сложилось. Вместе с тем в контексте все тех же исследований культуры, быта и этнографии были рассмотрены отдельные аспекты повседневной жизни на-

селения республики, что дает основания для анализа процесса накопления исторических знаний.

История повседневности, ввиду отсутствия в советский период данного научного направления, не являлась предметом исследовательского интереса региональных ученых. Внимание советских историков было сосредоточено на этнографическом описании быта населения и процессе его «прогрессивного развития» под влиянием достижений советской власти. Повседневное, бытовое существование рассматривалось как некое поле для формирования новых культурных форм и практик, как например, антирелигиозное сознание, демократизация семейно-брачных отношений, вовлечение женщин в систему общественного производства, внедрение коллективных форм быта и др.

Многие работы, изданные в советский период, носили тенденциозно-пропагандистский характер, например «Вопросы преодоления пережитков ламаизма, шаманизма и старообрядчества: материалы второго зонального семинара лекторов-атеистов Сибири». В докладах этого сборника акцент сделан на необходимости внедрения антирелигиозного мировоззрения среди населения республики, на описании «кризисных» явлений в религиозной жизни в условиях современного общественного развития. Ключевой идеей докладов сборника стал тезис о том, что «к настоящему времени религия, в основном, уже исчерпала свои общественные функции, которые были обусловлены экономическими, политическими и социальными условиями классового общества» [Вопросы... 1971: 4].

Советской историографией были подробно изучены вопросы формирования и развития новой социалистической культуры. Данные процессы, как правило, получали канонически позитивную оценку, противопоставляясь традиционному, патриархальному образу жизни. Так, в работе Б. М. Митупова и Г. Л. Санжиева сделан акцент на глубоких изменениях, которые «претерпели традиции, нравы и обычаи в культуре и быту бурятского народа. Некоторые из них, противоречащие социалистической действительности, традициям и обычаям других народов, изжили себя и исчезли. Возникли новые, революционные традиции» [Митупов, Санжиев 1962: 92]. Подчеркивая ведущую роль партийной организации в процессах культурной модернизации, авторы односторонне положительно интерпретировали влияние советской государственности на складывание новых форм культуры и быта населения.

Безусловно, этапной для региональной советской историографии попыткой рассмотрения производственно-бытовых отношений, стала работа Д. Д. Мангатаевой [1978]. В рассматриваемой монографии проанализирован процесс региональной урбанизации первой половины XX в. Материалы работы представляют значительную источниковую ценность, поскольку автором большое внимание уделено демографическим и социальным процессам, проходящим в городских поселениях Бурятии, дан их довольно подробный динамический анализ. Вместе с тем рассмотрение автором демографических процессов с точки зрения обобщенных социологических понятий класса, пола, возраста, национальности, профессии не позволяет отнести данное издание к работам, рассматривающим формы повседневной жизни населения Бурятии.

Что касается непосредственно изучения модернизационных процессов 1920–1930-х гг. с позиции формирования новой советской культуры и быта, то они становились предметом научного интереса в разное время. С точки зрения экономико-социальных показателей рассматривался процесс формирования рабочего класса Бурятии в первые послереволюционные десятилетия в работах Е. Е. Тармаханова [1968]. При безусловной источниковой важности сведений о социальных источниках складывающегося рабочего класса, его половозрастной структуре, системе

подготовки кадров квалифицированных рабочих сами «рабочие» предстали в монографии безликой, обобщенно-классовой сущностью. Несмотря на обстоятельный и многоаспектный анализ социальной группы, работа не содержит данных о каждодневной организации труда, социально-политической активности рабочих, особенностях перехода человека из одной социальной группы в другую и т. д.

В целом для региональной историографии советского этапа было характерно невнимание к проблемам каждого отдельного человека, его индивидуальности, разнообразным формам его каждодневного существования. Советских историков, в т. ч. по идеологическим причинам, интересовали большие социально-классовые общности XX в. и процесс замещения ими социальных групп традиционного общества, что не способствовало антропологизации и гуманизации исследований.

Период 1990-х гг., который ознаменовался демократизацией общественно-политической жизни, внес тематическое разнообразие в исторические исследования, приблизив их фокус к проблемам каждого конкретного человека. Однако центром внимания региональной историографии человек стал несколько позднее. Персонификация региональных исторических исследований произошла в первое десятилетие XXI в.

Внедрение новых методологических приемов, характерных для истории повседневности, происходило, как правило, в урбанизационных исследованиях. Данный корпус трудов рассматривал процесс формирования и развития городских поселений с демографической, миграционной, культурной и социально-бытовой позиций. Так, например, в работе Ю. В. Хабаевой в ходе анализа социально-демографических процессов появляются новые, уходящие от советского социологизма сюжеты. Характеризуя города республики 1920–1930-х гг., автор утверждает, что «они не были благоустроены, инфраструктура была слабо развита, существующий общественный транспорт не мог в полной мере обслуживать население (в середине 1930-х гг. на одного горожанина приходилось 1,3 поездки на автобусе в год), не было водопровода и канализации» [2007: 21]. В данной работе впервые в региональной историографии был рассмотрен достаточно широкий круг вопросов, касающихся бытовой жизни населения, например питание, жилищное обеспечение, санитарно-гигиенические условия, которые демонстрировали изменение образа жизни человека в 1920–1930-е гг.

К ряду урбанистических исследований можно отнести труды А. М. Иминохоева, который затрагивает проблематику повседневной жизни населения республики в рассматриваемый период, в частности изменение культурно-досуговой деятельности. По мнению исследователя, характер перемен в сфере проведения человеком нерабочего времени свидетельствовал о целенаправленной идеологизации частной жизни. Необходимо согласиться с утверждением автора о том, что, «будучи одной из важнейших составляющих жизни, досуг давал возможность в более завуалированной форме делать человека объектом политического воздействия» [2009: 64]. Действительно, государственная политика в области бытовой культуры преследовала цель разрушить традиционные индивидуалистические формы повседневной жизни, заменив их коллективистскими, политизированными формами.

Модернизации жилищных условий русского, семейского и бурятского населения в 1920-е гг. посвящена работа В. В. Номоевой и А. М. Плехановой. Авторы делают вывод о том, что, «несмотря на усилия властей, жилище, его тип и особенности функциональных зон, независимо от национальной принадлежности его владельца, формы и способов ведения им хозяйства, в большинстве своем оставались традиционными» [2016: 81].

Во втором десятилетии XXI в. исследователи истории Бурятии все чаще обращаются к проблеме так называемой общественной повседневности, анализируя

формы и механизмы ее функционирования в условиях становления национальной государственности в Бурятии в 1920–1930-е гг.

Так, большое внимание анализу общественно-политической жизни молодой национальной республики уделяет А. А. Елаев, который поставил ее в зависимость от идеи «мировой революции» и необходимости пропаганды в странах Востока. Ценность представленной работы в контексте истории повседневности заключается в рассмотрении общественных настроений, феномена соучастия граждан необустроенной аграрной республики в мировом революционном движении. Не вызывает возражений и вывод А. А. Елаева о том, что «для этого периода были характерны две тенденции: с одной стороны, господство внешне привлекательных идей и лозунгов, оторванных от реальной жизни, желание власти с их помощью подчинить человека и общество воле партии и государства, с другой – искреннее стремление человека к лучшей жизни и вера в обретенные свободы, рождавшие неподдельный энтузиазм» [2012: 45].

Проследить процессы социально-экономической трансформации, урбанизации, коллективизации и индустриализации, их влияние на формирование советской повседневности можно в работе С. В. Бураевой и С. А. Батурина. По утверждению авторов, «компаративный анализ комплекса визуальных материалов и текстовых документов позволяет наглядно и более адекватно оценить характер и темпы кардинальных изменений в общественно-политической, экономической и культурной жизни (в частности Бурятии) в рассматриваемый период» [2013: 72]. Ценность данной работы для историографического процесса заключается в том, что авторы привлекли множество разнообразных неписанных источников, которые позволяют детальнее представить модернизацию повседневности рассматриваемого периода.

В работе Т. В. Паликовой и А. А. Красовской актуализирована проблематика повседневности сибирских городов в переходный период от распада империи до формирования советской власти. Авторы утверждают, что «немалый интерес представляет анализ социально-политических, экономических и культурных аспектов городской повседневности в рамках исторической специфичности сибирского региона, в частности его восточной части» [2018: 20].

В монографии А. Н. Соболевой, посвященной исследованию участия молодежи в модернизационных процессах 1920–1930-х гг., вопросы повседневной жизни населения затронуты более подробно. Автором проанализирован характер изменения ценностей молодежи, как например, восприимчивость антирелигиозной пропаганде, энтузиазм при вступлении в комсомольские, профсоюзные и общественные организации. В работе изучен процесс формирования советской повседневности, бытовой культуры, пронизанной коллективистскими и антирелигиозными идеалами. А. Н. Соболева отмечает, что «посредством участия в праздничных мероприятиях население Бурятии вовлекалось в орбиту новых социально-политических и исторических реалий. Но вместе с принятием новых форм праздничной культуры и проведения досуга жители республики продолжали активно использовать в повседневной жизни базовые элементы культурной жизни страны, которые отвергались официальной пропагандой» [2014: 91].

В диссертационном исследовании С. В. Хомякова предпринята попытка «комплексного изучения процесса формирования и революционных трансформаций общественного сознания от традиционной ментальности до феномена советского человека как нового типа личности» [2017: 13]. К настоящему моменту данная работа наиболее полно раскрывает проблему изменения социальных представлений людей о себе и своей роли в новом коммунистическом обществе.

Таким образом, анализ региональной исторической литературы дает основание утверждать, что проблематика истории повседневности относится к числу малоисследованных и вместе с тем востребованных научных проблем. Сегодня история повседневности как новое направление региональных исторических исследований переживает этап своего становления. Основой для изучения повседневности 1920–1930-х гг. стали разнообразные труды по истории культуры и быта в советский период и работы по урбанистике, социально-экономическому развитию новейшего времени. Для работ советского периода в большей степени характерен этнографический подход, описывающий бытовую жизнь населения. Однако работы советских исследователей внесли большой вклад в накопление как фактологического материала, так и методических приемов. В современных работах по истории повседневности 1920–1930-х гг. жизнь и деятельность человека рассматривается во множественности политических, экономических и социокультурных контекстов, что делает исследования более насыщенными и глубокими. Современные исследования отличаются комплексным анализом изменений как сознания, так и бытовой стороны повседневности, без умалчивания и негативных явлений частной, повседневной, что выгодно отличает последние от работ советского периода. Предмет повседневной истории настолько обширен и многообразен, что его изучение будет занимать умы не одного поколения историков.

Статья подготовлена в рамках гранта Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова «Общественная повседневность национальной республики в 1920–1930-е гг. (на примере Бурят-Монгольской АССР)», № 19-06-0502.

Литература

Бураева С. В. Будни довоенной Бурятии: особенности визуальной репрезентации повседневности (1920–1930-е гг.) / С. В. Бураева, С. А. Батулин // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2013. – № 3(11). – С. 59–77.

Вопросы преодоления пережитков ламаизма, шаманизма и старообрядчества: мат-лы 2-го зонального семинара лекторов-атеистов Сибири. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1971. – 140 с.

Елаев А. А. Идея мировой революции как фактор внутренней и внешней политики Бурят-Монголии в 20-е гг. XX в. / А. А. Елаев // Вестник Бурятского государственного университета. Спецвыпуск. – 2012. – С. 41–46.

Иминохоев А. М. Проблема досуга и формирование нового быта горожан Верхнеудинска / Улан-Удэ в 1920-е гг. / А. М. Иминохоев // Гуманитарные науки в Сибири. – 2009. – № 2. – С. 64–67.

Мангатаева Д. Д. Городские поселения Бурятской АССР (развитие и размещение) / Д. Д. Мангатаева. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1978. – 110 с.

Митупов Б. М. Руководство Бурятской партийной организации культурной революцией в республике (1929–1937 гг.) / Б. М. Митупов, Г. Л. Санжиев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. – 183 с.

Номогоева В. В. Жилище сельских жителей Бурятии в 1920-е гг.: традиции и перемены пространства повседневности / В. В. Номогоева, А. М. Плеханова // Регион в приграничном пространстве: мат-лы междунар. науч. конф. В 2-х ч. Ч. 2. – Чита, 2016. – С. 81–84.

Паликова Т. В. Повседневная жизнь советского сибирского города в 1917–1923 гг. / Т. В. Паликова, А. А. Красовская // Вестник Бурятского государственного университета. – 2018. – Вып. 4: Гуманитарные исследования Внутренней Азии. – С. 20–26.

Пушкарева Н. Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» / Н. Л. Пушкарева // Экономическое обозрение. – 2004. – № 4. – С. 3–19.

Соболева А. Н. Участие молодежи БМАССР в модернизационных процессах 1920–1930-х гг. / А. Н. Соболева. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. – 184 с.

Тармаханов Е. Е. Развитие промышленности Бурятской АССР за годы строительства социализма (1917–1941 гг.) / Е. Е. Тармаханов. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. – 196 с.

Хабаева Ю. В. Урбанизационные процессы как фактор социокультурной трансформации в БМАССР (конец 1920-х – конец 1930-х гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ю. В. Хабаева. – Улан-Удэ, 2008. – 23 с.

Хомяков С. В. Культурные и политические процессы в Бурятии в 1920–1941 гг.: формирование советского человека: автореф. дис. ... канд. ист. наук / С. В. Хомяков. – Улан-Удэ, 2017. – 26 с.

References

Buraeva S. V. Budni dovoennoj Buryatii: osobennosti vizual'noj reprezentacii povsednevnosti (1920–1930-e gg.) / S. V. Buraeva, S. A. Baturin // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. – 2013. – № 3(11). – S. 59–77.

Voprosy preodoleniya perezhitkov lamaizma, shamanizma i staroobryadchestva: mat-ly 2-go zonal'nogo seminarov-ateistov Sibiri. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1971. – 140 s.

Elaev A. A. Ideya mirovoj revolyucii kak faktor vnutrennej i vneshnej politiki Buryat-Mongolii v 20-e gg. XX v. / A. A. Elaev // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Specvypusk. – 2012. – S. 41–46.

Iminohoev A. M. Problema dosuga i formirovanie novogo byta gorozhan Verhneudinska / Ulan-Ude v 1920-e gg. / A. M. Iminohoev // Gumanitarnye nauki v Sibiri. – 2009. – № 2. – S. 64–67.

Mangataeva D. D. Gorodskie poseleniya Buryatskoj ASSR (razvitie i razmeshchenie) / D. D. Mangataeva. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1978. – 110 s.

Mitupov B. M. Rukovodstvo Buryatskoj partijnoj organizacii kul'turnoj revolyuciej v respublike (1929–1937 gg.) / B. M. Mitupov, G. L. Sanzhiev. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1962. – 183 s.

Nomogoeva V. V. Zhilishche sel'skih zhitelej Buryatii v 1920-e gg.: tradicii i peremeny prostranstva povsednevnosti / V. V. Nomogoeva, A. M. Plehanova // Region v prigranichnom prostranstve: mat-ly mezhdunar. nauch. konf. V 2-h ch. Ch. 2. – Chita, 2016. – S. 81–84.

Palikova T. V. Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo sibirskogo goroda v 1917–1923 gg. / T. V. Palikova, A. A. Krasovskaya // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2018. – Vyp. 4: Gumanitarnye issledovaniya Vnutrennej Azii. – S. 20–26.

Pushkareva N. L. Predmet i metody izucheniya «istorii povsednevnosti» / N. L. Pushkareva // Ekonomicheskoe obozrenie. – 2004. – № 4. – S. 3–19.

Soboleva A. N. Uchastie molodezhi BMASSR v modernizacionnyh processah 1920–1930-h gg. / A. N. Soboleva. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2014. – 184 s.

Tarmahanov E. E. Razvitie promyshlennosti Buryatskoj ASSR za gody stroitel'stva socializma (1917–1941 gg.) / E. E. Tarmahanov. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1968. – 196 s.

Habaeva Yu. V. Urbanizacionnye processy kak faktor sociokul'turnoj transformacii v BMASSR (konec 1920-h – konec 1930-h gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk / Yu. V. Habaeva. – Ulan-Ude, 2008. – 23 s.

Homyakov S. V. Kul'turnye i politicheskie processy v Buryatii v 1920–1941 gg.: formirovanie sovetskogo cheloveka: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk / S. V. Homyakov. – Ulan-Ude, 2017. – 26 s.